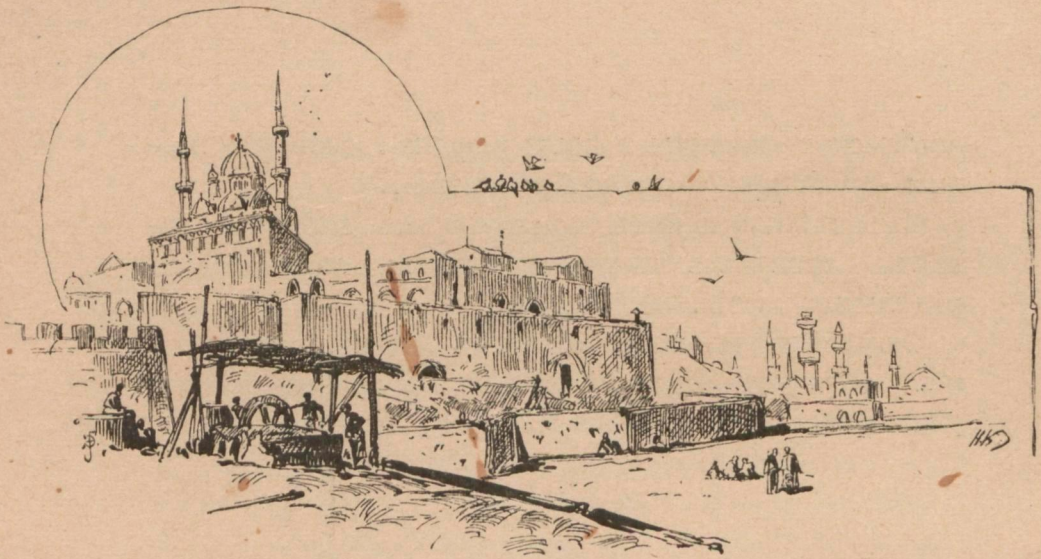

XIV.

Мы опять, для сокращенія дороги, направились напрямикъ моремъ, на этотъ разъ нѣсколько ближе держась къ берегу... Весь этотъ берегъ, почти сплошь, пестрѣлъ садами, городками и селеніями, а впереди поднимались другіе берега, — высокіе, тянулись стѣною влѣво, и между тѣми берегами и нашимъ, вдоль котораго мы легли, словно узкія ворота, виднѣлся проливъ, а тамъ что-то неясно сверкало на солнцѣ своею бѣлизною и позолотою.

Надъ моремъ, еще не улегшимся послѣ свѣжаго ночнаго вѣтра, колыхался туманъ, начавшій слегка разсѣиваться подъ вліяніемъ солнечныхъ лучей — словно занавѣсъ поднимался онъ передъ нами, открывая величественную картину... Узенькія ворота, казавшіяся намъ издали едва замѣтною щелью, теперь расширились, и мы увидали входъ въ проливъ, огражденный грозными укрѣпленіями. Тяжелыя очертанія угрюмыхъ крѣпостныхъ стѣнъ и громадныя пушки, выгляды-

вающія изъ за ихъ амбразуръ — такъ не подходили къ этимъ легкимъ изящнымъ замкамъ и дачамъ, повсюду раскинутымъ на красивыхъ берегахъ пролива, къ этой веселой зелени садовъ, къ этимъ чуднымъ гирляндамъ цвѣтовъ, окаймляющимъ балконы и изгороди... Громадные корабли и пароходы входили и выходили изъ пролива, оживляя картину и живописными группами тѣснились у береговъ... а дальше — виднѣлся безконечный городъ, съ такими стройными минаретами, съ такими величественными куполами, что я ничего подобнаго не видѣлъ... Здѣсь, у пристаней собралось столько судовъ, самыхъ разнообразныхъ, что, казалось, они сошлись со всѣхъ морей міра... Да такъ и было... Тутъ же стояли и особенные корабли, тяжелые и грозные какъ тѣ крѣпости, что сторожили входъ въ это, по истинѣ, райское мѣсто. Это и были корабли-крѣпости... военные корабли, какъ ихъ называютъ... Дальше отъ нихъ кипѣла жизнь и слышался смѣшанный гулъ голосовъ, — около нихъ было тихо и пусто, словно присутствіе этихъ желѣзныхъ чудовищъ пугало и отгоняло на далекое разстояніе все живое, — веселое.

На противоположномъ берегу, словно оторванное продолженіе этого города, виднѣлись опять тѣнистые сады, густыя аллеи стройныхъ кипарисовъ и между ними опять уютныя зданія, обнесенныя вырѣзными балконами, обвитыя плющемъ и цвѣтами... Оба берега поддерживали между собою оживленное сообщеніе и, казалось, жили одною общею жизнью.

— Царь-Градъ... сообщилъ намъ папа... Константинополь то-же, — а это, онъ указалъ влѣво, — Скутари...

Ужасно хотѣлось спуститься именно здѣсь, поближе разсмотрѣть всѣ эти чудеса, но, повинувшись начальству, мы летѣли все дальше и дальше, оставляя за

собою этотъ дивный городъ, съ его кипучею разнообразною жизнью.

Теперь мы неслись надъ другимъ моремъ, Мраморнымъ; хотя его прелестно синій цвѣтъ ничего общаго не имѣлъ съ этимъ камнемъ, зато въ этой густой синевѣ — водной поверхности, словно нарисованные, — ярко выдѣлялись небольшіе острова, гдѣ мрамора было сколько угодно... Мы пересѣкали море съ сѣверо-запада на юго-востокъ, и хотя чувствовали уже изрядную усталость, но спуститься было некуда, — приходилось летѣть и летѣть... Къ счастью, легкій, ароматный тихій, теплый вѣтеръ дулъ намъ въ догонку и облегчалъ значительно наше воздушное путешествіе. Къ вечеру мы увидѣли опять живописный азіатскій городъ Бруссу. Мѣстность становилась сильно гориста — и давно уже на горизонтѣ виднѣлась какая-то особенная вершина... окутанная легкими облаками... Пролетѣвъ надъ Бруссою, откуда неслись заунывные звуки, призывающіе къ молитвѣ, мы направились къ подножью давно замѣченной нами горы, и, обогнувъ ее, стали тихо спускаться на каменистую пологую долину, бѣдную зеленью, но зато обѣщающую намъ покойную ночь, такъ какъ нигдѣ не было видно человѣческихъ жилищъ, за исключеніемъ пастушьихъ шатровъ, сгруппированныхъ у небольшого родника, осѣненного раскидистою, старою смоковницею.

Гору, у подножья которой мы расположились на ночлегъ, называютъ Кешишь-Дагъ. Въ часѣ хорошаго перелета отъ нея, нѣсколько ближе къ морю, чуть-чуть блестѣли въ вечерней мглѣ два порядочныхъ озера, но мы любовались ими только издали. Тамъ теперь мѣсто было занято другими, чужими породами — и, избѣгая новыхъ столкновеній, мы предпочли переночевать впроголодь, довольствуясь жалкими кусты-

ками горной малины, кое-гдѣ торчавшими въ каменистыхъ разсѣлинахъ.

Былъ періодъ новолунія, — и тонкій узенькій серпъ мѣсяца... робко, и то ненадолго, обрисовался на небѣ.

Длинная осенняя ночь, то-есть не осенняя, а, по здѣшнимъ мѣстамъ, превосходная лѣтняя, теплая, какъ у насъ на сѣверѣ, въ половинѣ самаго знойнаго лѣта не бываетъ, — ночь эта прошла совершенно спокойно.

Я дремалъ и думалъ о своей журкѣ-уралкѣ... Гдѣ-то она теперь? Что подѣлываетъ, спитъ ли спокойно, или аппетитно кушаетъ?... Меня весьма успокоивало то обстоятельство, что она была подъ надежною охраною: самъ премудрый Крыломахъ предводительствовалъ ея треугольникомъ. Гдѣ-то они теперь?

— А «наши», подошелъ ко мнѣ Верхоглядъ, — этотъ хитрецъ какъ будто-бы читалъ мои самыя сокровенныя мысли, — наши, сказалъ онъ, теперь помѣстились получше... Они тянутъ берегомъ и, вѣроятно, перелетѣли на Митилинъ...

— Это что такое?

— Островъ, недалеко отъ берега... Превосходный островъ... Я тамъ былъ однажды. Тамъ, глубоко, врѣзываясь, чуть не до середины острова, — есть прекрасная бухта... Вѣчно въ ней тихо, какая бы буря на морѣ не свирѣпствовала... Прежде это было самое излюбленное мѣсто морскихъ разбойниковъ.

— Ахъ, Боже мой! а «она» тамъ?! вскрикнулъ я невольно, испуганный словомъ «разбойники»!...

— Кто она?

Я окончательно смутился.

— Эхъ ты! Верхоглядъ сочувственно засмѣялся. — Для насъ, журавлей, никакіе морскіе разбойники не опасны. — А славная журачка эта... «Черношейка!..» Я, знаешь, вчера познакомился съ ея мамою и папою...

Онъ уже и имя узналъ и всѣ подробности... Почему же это я все мѣшкалъ и зѣвалъ. Почему онъ такой прыткій и ловкій, а я словно не журавль, а филинъ какой-нибудь, неповоротливый!.. Мнѣ стало ужасно досадно, и, еслибы не звучащій непритворною искренностью голосъ Верхогляда, я бы непременно отвѣчалъ ему рѣзкостью, но тутъ я промолчалъ... Только машинально повторилъ: «Черношейка».

— Ну, да, Черношейка! Конечно, ей далеко до твоей сестры... но, все-таки, премилая дѣвица... И я тебя отъ души поздравляю...

— Когда же мы опять увидимся? спросилъ я, вполне увѣренный, что Верхогляду все извѣстно.

Онъ задумался и сталъ важно соображать, что-то должно быть очень серьезное. Онъ даже принялся носомъ чертить на песокъ какія-то странныя линіи...

— Вотъ, видишь ли, началъ онъ. — Мы теперь находимся здѣсь... Вотъ это — наша гора... Вотъ такъ, совсѣмъ на западъ пойдетъ берегъ Мраморнаго моря, потомъ круто повернетъ на югъ, пройдя вотъ тутъ, онъ опять ткнулъ носомъ, Дарданеллы... затѣмъ повернетъ — опять круто на востокъ и образуетъ большой заливъ — а противъ этого залива и есть островъ Митилинъ, о которомъ я тебѣ говорилъ. Потомъ вдоль берега все будетъ множество маленькихъ островковъ, масса... Дрянъ, островочки, но отдыхать можно... и потомъ уже, если мы рискнемъ сильно сократить путь, и при этомъ вѣтеръ будетъ благопріятный, то можно перемахнуть прямо на островъ Кипръ, но я думаю, что мы перерѣжемъ заливъ Александрету нѣсколько сѣвернѣе, и потомъ все время на югъ, вплоть до Бейрута, Дамаска, на Іерусалимъ, — Портъ Саидъ, Александрію и наконецъ, въ дельту великаго Нила...

Верхоглядъ увлекся своими познаніями, очевидно рисовался ими передо мною, неучемъ, и совершенно

забылъ мой вопросъ... я едва схватывалъ памятью этотъ рядъ именъ и названій... совершенно не понималъ чертежа на пескѣ и, наконецъ, рѣшился остановить разскащика повтореніемъ своего вопроса.

— Да... протянулъ онъ — ты все насчетъ того же... Я думаю, что раньше именно дельты, мы и не сойдемся вновь — цѣлымъ обществомъ... Я думаю, что нѣтъ; мѣста здѣсь, признаться сказать, не очень то сытыя... Въ пустыню, въ глубь страны забираться, жарко, да и далеко, а по берегамъ — людновато... Но если мы полетимъ отсюда на Кипръ, то тамъ хорошо и, вѣроятно, тамъ намъ дадутъ хорошую передышку.

— Такъ можетъ быть на Кипрѣ?

— Да... Весьма возможно!..

— Скажи, пожалуйста, отчего ты все знаешь? Я вотъ, пролетѣвъ до сихъ поръ, положительно почти ничего не знаю! Кажется, спроси меня обстоятельно, гдѣ и какъ мы летали? кое-что помню, но начертить носомъ не могъ бы...

— Это потому, что это, мой другъ, твое первое путешествіе... Для тебя все ново, все тебя развлекаетъ... но я... я уже привыкъ наблюдать и даже дѣлать отмѣтки, Богъ дастъ сдѣлаешь, какъ я, столько перелетовъ... научишься и ты.

— А ты сколько сдѣлалъ?

Верхоглядъ заикнулся, но скоро справился и проворчалъ, какъ-то двусмысленно, не то «второй» не то «двадцать второй».

— Второй? подчеркнулъ я не безъ злаго умысла...

— Какая теплая ночь! вздохнулъ онъ: — Твоя сестрица спитъ, кажется, очень крѣпко... Покойной ночи и тебѣ, дружище!.. А мнѣ... мнѣ что-то не спится... я еще погуляю и немного помечтаю...

Онъ закинулъ голову кверху, поправилъ крылья,

взглянулъ на звѣздное небо, — вздохнулъ и зашагалъ по долинь, скрываясь въ потемкахъ.

Смотрю — сестра моя проснулась, тоже вздохнула и шагнула въ сторону. Я сдѣлалъ видъ, что это все до меня нисколько не касается, уткнулъ голову подъ крыло и попробовалъ забыться...

— Ахъ! еслибы черезъ Кипръ!.. подумалось мнѣ... И я видѣлъ во снѣ Кипръ... Не знаю такой ли, какимъ онъ былъ въ дѣйствительности, но тотъ, что я видѣлъ во снѣ, не поддавался никакимъ, самымъ восторженнымъ описаніямъ.

Слѣдующій перелетъ мы совершали все время надъ очень гористой мѣстностью не особенно густо, даже скорѣе скудно населенною... Въ долинахъ между горъ, на небольшихъ рѣчкахъ, виднѣлись бѣдныя селенія и поля... изрѣдка сады... Что обратило на себя наше вниманіе — это, вооруженность обитателей... Безъ оружія не встрѣчалось, положительно, ни души... Раза три мы видѣли кровавыя сцены: какъ одни, спрятавшись за камнями, у дороги, поджидали другихъ и выскакивали неожиданно для тѣхъ, иногда убивая проѣзжихъ, а чаще просто отнимая у нихъ лошадей, быковъ или верблюдовъ... Непріятная сторона!

— Порядка мало!.. сказано Турція!.. замѣтилъ папа. — Она и есть, да еще настоящая — Азіатская.

Наконецъ мы добрались до прелестнаго озера, лежащаго въ глубокой, горной котловинѣ и опустились. Здѣсь встрѣтилось и нѣсколько нашихъ партій, но, увы! между ними не было треугольника Крыломага Премудраго.

— Кажется, черезъ Кипръ, шепнулъ мнѣ Верхоглядъ свои соображенія. — Мы летимъ прямо на заливъ Адалія... иначе мы бы забирали значительно восточнѣе... къ тому же и погода стоитъ великолѣпная для морскаго перелета.

Снявшись съ ночлега, пролетѣвъ надъ горнымъ ущельемъ, по дну котораго змѣилась, прыгая и пѣнясь по камнямъ, маленькая рѣчка, мы увидѣли не-большой, бѣленькій городокъ, отчетливо обозначавшійся на синемъ фонѣ моря.

Это и былъ заливъ Адалія, и мы, слѣдя за берегомъ, летя высоко, почти въ уровень съ гребнемъ горнаго хребта, — спустились у мыса Анамуръ, на голомъ прибрежьѣ, усѣянномъ валунами и всевозможными ракушками...

XV.

Дѣйствительно, рѣшено было сдѣлать перелетъ прямо на Кипръ. Перелетъ не особенно длинный, въ виду тихой превосходной погоды, но въ этихъ мѣстахъ неожиданно поднимаются бури, и если, на нашу бѣду, разыграется таковая во время перелета, да еще встрѣчная, или сбивающая въ сторону, къ западу, то можетъ быть худо. Кажется, всѣ признаки погоды были для насъ благопріятны, и, хотя между нашими стариками находились осторожные, совѣтовавшіе не довѣряться часто обманчивой тишинѣ и летѣть вдоль берега, ограничившись только небольшимъ перелетомъ черезъ входъ въ Александретскую бухту, но большинство на совѣтъ настояло на кипрскомъ направленіи, что для насъ, молодежи, особенно для меня, — было очень пріятно...

Я только не зналъ, гдѣ треугольникъ Крыломаха... Болтливыя чайки увѣряли меня, что вчера протянули какіе-то журавли на Кипръ, но какіе это были именно, узнать не пришлось... эти чайки такія, по правдѣ сказать, дуры, что отъ нихъ никакого толку не добьешься.

— Наши не должны быть, замѣтилъ Верхоглядъ, — потому что они летѣли много кружнѣе и обогнать насъ не могли никакимъ образомъ...

— Вѣрно! подтвердилъ и папа.

Мы расположились отдохнуть какъ слѣдуетъ, кстати и дожидаться другихъ партій... Стоянка была покойная, нарушаемая только крикливыми голосами чаекъ и немолчнымъ, вѣковымъ рокотомъ морскаго прибоя... солнце палило невыносимо, и мы придерживались тѣневой стороны высокаго горнаго берега, изрѣдка сбѣгая къ водѣ, — поплясать и покупаться въ пѣнистыхъ брызгахъ, набѣгающихъ на камни, зеленоватыхъ волнъ, каждый разъ выносящихъ на песокъ милліоны разнообразныхъ ракушекъ...

Къ ночи стали собираться и другія партіи и сообщили, что треугольникъ Крыломаха потянулъ съвернѣе, на Александрету, въ виду того, что у него молодежь послабѣе, и онъ на большой морской перелетъ не рѣшился.

Островъ Кипръ потерялъ для меня всякую прелесть.

Мнѣ даже пришло въ голову притвориться чрезмерно уставшимъ, авось либо, ради меня отмѣнить состоявшееся рѣшеніе, но совѣсть не допустила меня до такого униженія и я, скрѣпя сердце, подчинился общей участи.

— Теперь уже до Нила! не то улыбнулся, не то проникнутый сочувствіемъ, шепнулъ мнѣ Верхоглядъ.

Онъ, положительно, видѣлъ все, что у меня въ сердцѣ.

За эту ночь еще догнали насъ два треугольника... Мы подвели счеты; оказалось, что все-таки, большинство было увлечено осторожностью премудраго Крыломаха...

Но погода... погода стояла прелестная и ничего не предчувствовалось подозрительнаго, что-бы могло колебать наше рѣшеніе.

Мы простояли здѣсь весь день, и снялись чуть только побѣлѣла полоска горизонта на востокѣ...

Быстро удалялся отъ насъ покинутый нами, еще погруженный въ темноту, берегъ, но уже вершины горнаго хребта зарумянились и красиво выступали во мракѣ своею причудливо — зубчатою линіею.

Верхоглядъ увѣрялъ, что будто бы онъ уже видитъ вершину Кіонистры, громадной горы, занимающей средину острова, но, какъ мы ни напрягали нашего зрѣнія, ничего похожаго на гору не замѣчали. Виднѣлось, правда, впереди какое-то голубое облако, но оно скоро перемѣнило мѣсто и расплылось въ общей синевѣ... значитъ не гора... Наконецъ, исчезли очертанія оставленнаго нами берега и мы летѣли, казалось, въ центрѣ необъятнаго воздушнаго пространства. Подъ нами море, но оно гладко, какъ зеркало, — и края его сливаются съ краями неба; надъ нами безпредѣльная высь, такая же покойная, такая же голубая. Солнце ослѣпительно сверкаетъ надъ нами; солнечный блескъ, также ослѣпительно отражается въ морѣ и, казалось, также льетъ потоки живительной теплоты и нѣги.

Летѣть легко и весело, и не страшно нисколько! Мы такъ проникнуты всѣмъ довѣріемъ къ вождямъ, что насъ нисколько не тревожитъ эта безпредѣльность. И вотъ, мы еще не устали, мы еще совершенно бодры

и готовы летать, хоть цѣлый день еще, а уже впереди насъ, теперь уже не для одного фантазера Верхогляда, а для всѣхъ насъ, ясно и отчетливо, словно выростая изъ водъ... поднимается туманная — Кіо-нистро, выростая медленно, но вѣрно, опредѣляясь своими контурами, словно висящая въ воздухѣ, отдѣленная отъ линіи горизонта темною воздушною полосою.

Вотъ и другія, болѣе низкія вершины показываются. Вотъ отдѣляющая полоса съузилась и исчезла. Вонъ линія берега съ бѣлою бахромою прибоевъ... слышенъ и гулъ ихъ... видны и чайки крикливыя... Уже можно различать гирлянды плюща, повившаго скалы. Еще часть пути, меньше даже, и мы спустимся на твердую почву.

Однако, солнце было уже въ зенитѣ, когда мы, дѣйствительно, спустились на землю, близъ устья небольшой рѣчки, пролетѣвъ надъ красивымъ городкомъ Левкозіей, окруженномъ роскошными виноградниками.

Успѣхъ этого перелета, прямо моремъ, безъ возможности скорого отступленія на сушу, еслибы понадобилось, значительно ободрилъ насъ и будущій такой-же перелетъ, почти вдвое больше, на Бейрутъ, насъ теперь не пугалъ нисколько.

Ночь провели мы здѣсь-же... ничто насъ не тревожило... ничто также не предвѣщало переменъ погоды къ худшему, а также съ разсвѣтомъ, мы продолжали путь, съ гораздо большею увѣренностью въ успѣхѣ, чѣмъ вчера, при первомъ опытѣ.

Около полудня мы не видѣли еще никакого признака земли, а внизу — подъ нами, до сихъ поръ гладкая водная поверхность стала подозрительно колыхаться, словно тяжело дышать, но беззвучно, — безъ малѣйшаго всплеска, безъ всего, что бы напоминало волненіе.

— Ходу!... слышалось спереди.

Ходу... ходу!.. подхватило по нашимъ линіямъ.

Мы усилили летъ, неслись такъ, что далеко разносился звѣнящій гармоничный свистъ нашихъ крыльевъ.

А море начинало дышать тяжело и тяжело... Вѣтра нѣтъ... полное затишье; — а подъ нами неподвижно стоящій корабль, съ повисшими парусами, тяжело скрипя, качается, то погружаясь глубоко въ воду своею разукрашеною кормою, то словно черпая своимъ острымъ носомъ. Въ его снастяхъ, ловко бѣгая по веревочнымъ лѣстницамъ, суетятся крохотные человѣчки, полуголые, въ красныхъ фескахъ... они торопливо убираютъ паруса. Слышны свистки... чуть доносятся снизу голоса команды.

— Не важно! вполголоса проговорилъ Верхоглядъ и незамѣтно перемѣнилъ мѣсто.

Онъ обогналъ меня и помѣстился какъ разъ за моею сестрою.

— Посмотри влѣво! шепнулъ онъ мнѣ.

Я исполнилъ его совѣтъ.

Тамъ поднималось что-то грозное, громадное, охватившее дугою чуть не полъ горизонта и двигалось къ намъ, увеличиваясь въ ширину, гоня передъ собою тяжело клубящіяся облака.

Ходу! снова послышалось спереди.

Но мы уже и безъ того неслись во всю силу нашихъ крыльевъ, увы! начинающихъ уже чувствовать первые признаки утомленія.

Надъ поверхностью моря тревожно забѣгали бѣлыя пѣнистыя змѣйки, съ каждою минутою все увеличиваясь и увеличиваясь. Замѣченный нами корабль давно исчезъ изъ вида. Первый порывъ вѣтра налетѣлъ на насъ будто неожиданно, и тотчасъ же дугою выгнулъ прямая стороны нашихъ треугольниковъ.

Мы, однако, еще не разрывались, дружно работали крыльями, но, странно: — намъ казалось, что мы уже

не подвигаемся впередъ, а несеть насъ вправо, несеть неудержимо... Вдругъ, одновременно съ громовымъ, — ужаснымъ, отбивающимъ разумъ, ошеломляющимъ ударомъ въ глазахъ у насъ блеснула зубчатая линія молніи. Вслѣдъ за этимъ ослѣпительнымъ свѣтомъ наступилъ мракъ. Солнце чуть виднѣлось надъ нами темно-краснымъ, уже не грѣющимъ шаромъ.

— Не разрываться! сдавайся по вѣтру... едва донесся голосъ папы.

Но уже исполнить это приказаніе не было возможности. Мимо, чуть не сбивъ меня съ пути, пронесся вырванный изъ клина журавль... онъ безпомощно, словно не птица, а тряпка какая-то, кувыркаясь въ воздухѣ, только мелькнулъ на мгновеніе и исчезъ въ темномъ пространствѣ. Вотъ еще одна жертва... Вотъ сестра моя жалобно пискнула и разомъ подалась внизъ, закинувъ голову, безнадежно задрывавъ ногами. Я видѣлъ, какъ Верхоглядъ сразу хватилъ еще ниже, подъ нее... двѣ птицы сплотились какъ бы въ одну... но обѣ, судорожно борясь съ вихремъ, пошли наискось книзу и скрылись.

Самъ я уже не могу больше... не могу... не могу!.. Гибель неизбежна! Я никого не вижу кругомъ... Я одинъ. Поднимаюсь-ли я, лечу-ли впередъ я ничего не сознаю, не чувствую. Кругомъ черныя тучи, внизу что-то реветъ, словно какое-то сказочное чудовище... И вдругъ меня съ ногъ до головы обдало холодными брызгами. Въ ушахъ зазвенѣло. Надо мною поднималась громадная зеленая гора съ пѣнистымъ гребнемъ, подо мною темная зіяющая пропасть. Я рванулся, собравъ послѣднія силы; взлетѣлъ-ли я, нѣтъ, — не знаю, но только, съ размаха ударился о что-то твердое, упругое, словно натянутыя струны, и лишился -сознанія.

Когда я пришелъ въ себя, я съ ужасомъ увидалъ

смуглыя человѣческія лица и почувствовалъ на своей спинѣ жесткую руку.

— Въ плѣну, промелькнуло у меня въ головѣ. И тотчасъ-же съ первымъ представленіемъ о плѣнѣ — я вспомнилъ страшныя слова: — ножницы, веревка!..

— Нѣтъ, живой! слышался голосъ.

— Бѣдныя птицы! проговорилъ другой, болѣе нѣжный, должно быть женскій.

— Не замай — отлежится! рѣшилъ кто-то третій. И меня оставили въ покоѣ.

И вотъ я начинаю понемногу приходить въ себя и украдкой осматриваться.

Небо звѣздное, — кое-гдѣ, черными косматыми клочьями несутся обрывки тучъ, надо мною — мачта, но какая-та короткая, словно сломанная наполовину, откуда висятъ перепутанныя снасти, и между ними люди что-то торопливо дѣлаютъ — не разберешь хорошенько. Вотъ другая мачта чуть виднѣется... эта, кажется, цѣла. Освѣщенный красноватымъ свѣтомъ снизу, виденъ какой-то парусъ, сильно вздутый, а за нимъ другой поменьше.

Очевидно, я на кораблѣ, на его палубѣ, усѣянной обломками снастей, много людей занимаются ея уборкою. Стучитъ топоръ — слышны голоса. Свѣтъ идетъ снизу, черезъ окно, стекла котораго частью выбиты; вотъ что-то выбросили за бортъ и это что-то шлепнулось грузно. Вотъ потянули какую-то веревку, задѣли меня, перевернули... я застоналъ отъ боли — и кое-какъ отодвинулся, прижавшись къ бочкѣ, крѣпко привязанной къ своему мѣсту.

Я чувствовалъ себя совершенно разбитымъ, безпомощнымъ.

— Лучше-бы смерть! подумалъ я... и тутъ же самъ началъ себѣ возражать. Почему-же смерть... А если я поправлюсь... Можетъ быть у меня ничего не сло-

мано, можетъ быть крылья мои цѣлы, устали только, а потомъ отдохнуть и опять пригодятся... Только-бы не эти ужасныя, безпощадныя ножницы!... А что моя журка, что стало съ папою и мамою, что моя сестра и Верхоглядъ съ нею?

Я вспомнилъ то ужасное мгновеніе, когда они оба исчезли въ пучинѣ, свернувшись въ одинъ клубокъ... «Кажется это было одновременно и съ моею гибелью! Гдѣ-то они всѣ теперь? что съ ними?

А сонъ одолѣваетъ и никакія мысли, никакіе страхи не въ силахъ его отогнать... Такъ тепло стало — от-радно... Ничего теперь не болитъ, только двигаться не могу: головы поднять не въ силахъ, ноги вытянуть.

— «Ножницы... Только бы не ножн...

Я заснулъ и, сколько времени спалъ, не могъ от-дать себѣ никакого отчета.

Представьте же себѣ мое изумленіе, мою радость, когда, проснувшись и почувствовавъ себя гораздо бодрѣ—я увидѣлъ, шагахъ въ трехъ отъ меня, тоже выглядывающаго изъ-за бочки Верхогледа... Онъ дѣ-лалъ мнѣ какіе-то знаки, которыхъ я сразу не разо-бралъ.

— А сестра? невольно сорвалось у меня съ языка.

— Тс! Лежи смирно! отдыхай, набирайся силъ, но кажись больнымъ, въ этомъ возможность спасенія... Сестра здѣсь... Она не ушиблась, — слава Богу! до-бавилъ онъ... Ну и ночка-же!.. Я уже, впрочемъ, успѣлъ сдѣлать кое-какія наблюденія и, кажется, намъ посчастливилось.

Солнце всходило... Море успокоивалось... На па-лубѣ видно были только двое людей. Одинъ—высокій старикъ, въ клеенчатомъ пальто и красной фескѣ, другой почти голый, въ короткихъ панталонахъ, бо-сой и тоже въ красной замасляной шапочкѣ, съ длинною черною кистью на затылкѣ. Первый стоялъ

на высококомъ мостикѣ и смотрѣлъ въ трубу — второй, сидя на связкахъ веревокъ, набивалъ себѣ трубочку, зѣвая и лѣниво потягиваясь.

— Всѣ спятъ! шепталъ Верхоглядъ. Эхъ кабы силы! Но, что — дѣлать... Терпѣніе, мой другъ, терпѣніе.

— Гдѣ мы? спросилъ я.

— Я думаю, что мы попали на корабль богомольцевъ — это большое для насъ счастье. Мы въ рукахъ людей сердобольныхъ и почти попутчиковъ. Корабль направляется въ Яффу. Я уже справился у капитана.

Верхоглядъ можетъ быть и дѣйствительно вѣрно узналъ направленіе корабля, но уже, конечно, не справляясь лично у его капитана. У него вообще развита слабость поврать и похвастаться высокими знакомствами, и эта слабость не оставляла его даже въ такомъ критическомъ положеніи, въ которомъ мы находились.

— Пить хочется до смерти? проговорилъ я.

— А вотъ протяни голову немного и пососи эту мокрую веревку. Небось, вода дождевая, — пахнетъ жиромъ и смолой немного, но это отъ веревки.

Я исполнилъ совѣтъ и промочилъ запекшіеся языкъ и горло... Захотѣлось ѣсть... О что бы я отдалъ теперь — не только бы за горохъ или кукурузу, но даже за какую нибудь дрянъ, въ родѣ червячка, или мертвой рыбки... но близко ничего не было похожаго на пищу — и приходилось покориться печальной участи.

Между тѣмъ, съ восходомъ солнца, палуба стала оживляться. Изъ люковъ выходили люди, почесываясь и крестясь на востокъ; появились и женщины, и дѣти.

— А, что наши журки! произнесла одна старушка, отыскивая насъ глазами.

Скоро мы были окружены густою толпою, а сестру, которую я только теперь увидѣлъ, взялъ на руки

какой-то старикъ въ черномъ и сталъ нѣжно гладить отстраняя, однако, руку каждый разъ, какъ моя сестра пыталась его ущипнуть.

— Будь кротка, замѣтилъ ей Верхоглядъ.

— А этотъ, кажется, больше всѣхъ уморился, обратился ко мнѣ другой, тоже въ черномъ. Это ихъ, бѣдныхъ, бурю отнесло отъ берега.

— Удивительное дѣло, замѣтилъ старикъ, все еще держащій сестру на колѣняхъ... Истинно Промыселъ Господень!.. Безбрежность моря и единая, малая точка въ ономъ, корабль, — и привелъ Господь сихъ тварей, въ бурную стихію увлеченныхъ, изнуренныхъ и обреченныхъ гибели — прямо на сію единую точку... яко въ гавань мира и спасенія.

— Премудрость! вздохнулъ тутъ другой черный.

— Журочки, журочки... бѣдненькія... залепетали дѣтскіе голоса.

Маленькая бѣлокурая дѣвочка присѣла около меня на корточки и стала меня ласкать и гладить. А Верхоглядъ, должно быть оправившись раньше нашего, приподнялся на ноги и встрепенулся.

— Ай! отскочилъ отъ него чумазый мальчикъ.

— Чего ты испугался... Онъ не тронетъ... Это птицы смирныя, безобидныя... Чего испугался!

А Верхоглядъ граціозно раскланялся направо и налево и сдѣлалъ, то-есть хотѣлъ сдѣлать, самое граціозное па..., да ему не удалось, и онъ чуть не шлепнулся на палубу... Усталость еще не прошла окончательно и ноги служить отказывались.

Тѣмъ не менѣе это движеніе очень понравилось всѣмъ окружающимъ. Послышался смѣхъ... Даже черный матросъ, оскаливъ свои бѣлые зубы, хрипло захохоталъ, а старый капитанъ на мостикѣ, все время наблюдавшій эту сцену, весело крикнулъ.

— Да вы покормите чѣмънибудь этихъ но-

выхъ пассажировъ... Эй принести варенаго рису съ кухни!

Ахъ какъ это было умно... Какъ это было геніально — кстати!

— Кормить, кормить! Журокъ кормить... новыхъ пассажировъ ха-ха-ха! раздалось со всѣхъ сторонъ.

Очевидно, мы были центромъ всеобщаго вниманія... Ничего враждебнаго не замѣчалось въ этой толпѣ, напротивъ всѣ смотрѣли такъ ласково, такъ привѣтливо.

— А ихъ-бы на вертель... а то въ супъ! грянулъ неожиданно новый голосъ, обдавшій насъ холодомъ смертельнаго ужаса, — и изъ темнаго люка, словно изъ-подъ земли, показалась звѣрская физіономія, въ бѣломъ колпакѣ и такомъ-же фартукѣ... На поясѣ у него висѣло два страшныхъ ножа... и еслибы не чашка съ превосходнымъ рисомъ, которую этотъ господинъ держалъ въ рукахъ, — вся его фигура представляла-бы только олицетвореніе смерти и жестокой безпощадности. Но рисъ — рисъ нѣсколько смягчилъ общее впечатлѣніе, — и этотъ дивный рисъ скоро предложенъ былъ всецѣло нашему употребленію.

Страшно было, но мы кушали. Кушали и косились на человѣка съ ножами, а тотъ, закуривъ короткую трубочку, стоялъ около, растопыривъ ноги, и продолжалъ.

— Жаркое было-бы недурно!

— Да развѣ ихъ ѣдятъ? спросила какая-то худая женщина съ ребенкомъ на рукахъ... Нѣшто цаплю ѣсть можно? Она поганью питается.

— Это не цапли! это журавли... Не этой совсѣмъ породы, отвѣчалъ ей кто-то, очень прилично одѣтый и въ очкахъ на длинномъ носу.

Слава Богу! догадались! Насъ, благородныхъ журавлей, принять за мерзкихъ цапель... Этого еще не-

доставало! Право даже обидно было слушать подобныя вещи. Мы потому только смолчали, что очень уже были заняты рисомъ.

Однако поднятый вопросъ: можно ли насъ ѣсть или нельзя, заинтересовалъ насъ не на шутку. Мы понимали хорошо роковое значеніе этого вопроса, но самолюбіе наше невольно страдало... особенно когда — кто-то вполнѣ утвердительно заявилъ, что ѣсть можно, но не стоитъ! жестко и невкусно!

— А попробовали-бы замариновать предваритель-но... сорвалось у меня съ языка.

— Дуррракъ! толкнулъ меня въ бокъ Верхоглядъ... проболтался!

Къ счастью, моя откровенность не принесла бѣды... къ предложенію воспользоваться нашимъ мясомъ, отнеслись какъ къ шуткѣ... Никому и въ голову не приходило причинить намъ какое нибудь зло, и мы всецѣло попали на попеченія старика, говорившаго о Промыслѣ Господнемъ. А тотъ рѣшилъ дать намъ свободу, какъ только мы ступимъ на землю.

— Богъ ихъ спасъ и сохранилъ и мы не посягнемъ и Волю Господню приведемъ въ исполненіе! произнесъ онъ и всѣ единогласно съ нимъ согласились.

Участь наша была обезпечена.

Долго еще шли вокругъ насъ разные, болѣе или менѣе интересные разговоры... Говорили о томъ, что часто случается будто бури цѣлыми стаями загоняютъ на корабли разныхъ птичекъ... Говорили, что какъ-то тысячи ласточекъ, нанесенныя ураганомъ на этотъ же гостепріимный корабль, нашли на немъ себѣ надежное убѣжище и были доставлены на берегъ. Говорили даже, что разъ хищный разбойникъ — ястребъ попалъ въ такое-же положеніе и его-бы не тронули, но онъ дурно себя велъ и, неблагодарный, при всѣхъ на глазахъ растерзалъ ручного голубя, принадлежащаго

самому капитану... Конечно этого злодѣя постигла немедленно смертная казнь... его застрѣлили!

Одно, что насъ смущало и печалило, это то, что насъ только трое находилось на лицо изо всего многочисленнаго треугольника... Что случилось съ другими... Гдѣ они? Погибли-ли безвозвратно или, можетъ быть, Божественный Промыселъ и ихъ коснулся своею рукою. Можетъ быть и имъ удалось попасть на палубу корабля, а можетъ быть опуститься на какой нибудь островъ.

— Тучи шли съ востока на западъ, соображалъ, между тѣмъ, и что-то вычислялъ всезнающій Верховлядъ. Насъ захватило на полу пути, между Ларнакою и Бейрутомъ. О! если вѣтеръ не мѣнялся и сохранилъ свое направленіе... Тамъ долго никакой земли нѣтъ, тамъ безъ конца все море и море! Вы представьте себѣ, что нашихъ могло пронести мимо самыхъ устьевъ Нила и попасть туда они не могли, подхваченные неустойчивымъ, воздушнымъ теченіемъ... Это ужасно!

— Это ужасно! подхватила вздохнувъ сестра.

Но мнѣ ничего не казалось ужаснымъ. Слова старика о Промыслѣ Господнемъ такъ глубоко запади мнѣ въ душу, что я почему-то былъ глубоко убѣжденъ въ спасеніи нашихъ и снова покойно задремалъ, чувствуя не безъ удовольствія, какъ послѣ насыщенія все возобновляются и восстанавлиются мои жизненные силы.

Корабль медленно покачивало, количество парусовъ увеличилось. Отъ этихъ громадныхъ парусовъ на палубу легла прохладная тѣнь. Гдѣ-то звенѣла струна... откуда-то снизу, черезъ открытый стеклянный люкъ неслись чудные гармоничные аккорды дивнаго, неизвѣстнаго инструмента. Люди казались такими добрыми, хорошими, и совершенно изгладились изъ памяти тѣ

злые, что такъ безпощадно палили въ насъ на Днѣ-провскихъ затолахъ.

— Яффа! слышался голосъ съ передней части корабля.

— Яффа! перевелъ намъ Верхоглядъ.

Онъ, когда я проснулся вновь отъ этого крика, —преважно похаживалъ на мостикъ, рядомъ съ капитаномъ, протанцевывалъ и, вообще велъ себя самымъ фамиллярнымъ образомъ.

Матросы дружно хохотали глядя на его продѣлки.

Я тоже почувствовалъ себя въ полныхъ силахъ, разбудилъ сестру, и мы стали прогуливаться по палубѣ, шагая черезъ свернутыя кольцами веревки и даже черезъ вытянутыя, босыя и обутыя ноги пассажировъ, —крѣпко спавшихъ на подостланныхъ коврахъ, пользуясь пріятною тѣнью распущенныхъ парусовъ корабля.

Замѣтивъ, насъ, Верхоглядъ соскочилъ съ мостика и присоединился къ нашей компаніи.

— Теперь, сказалъ онъ, —не зѣвать!.. Мы отдохнули достаточно!.. Судьба была къ намъ необыкновенно благосклонна! Злоупотреблять, даже Божьимъ милосердіемъ не слѣдуетъ. Люди добры, —къ намъ, но это настроеніе можетъ измѣниться... Берегъ близко!.. Видите этотъ бѣлый прибой, — за нимъ уже песчаная отмель... Вонъ и маякъ виднѣется... Разъ, два, три!.. за мною! съ Богомъ!

Мы не дали себѣ времени обдумывать предложеніе Верхогледа и послѣдовали его примѣру, подсккнули слегка, разбѣжались и поднялись на воздухъ, выбравъ болѣе широкій промежутокъ въ этихъ многочисленныхъ, хитро перепутанныхъ корабельныхъ снастяхъ.

Теперь мы были внѣ всякой опасности.

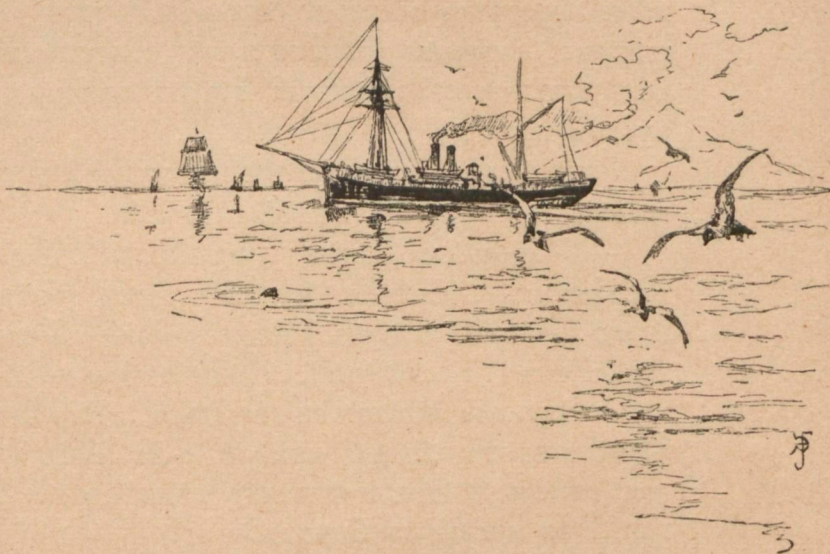
Сзади мы слышали крики... кто-то кричалъ: а жу-

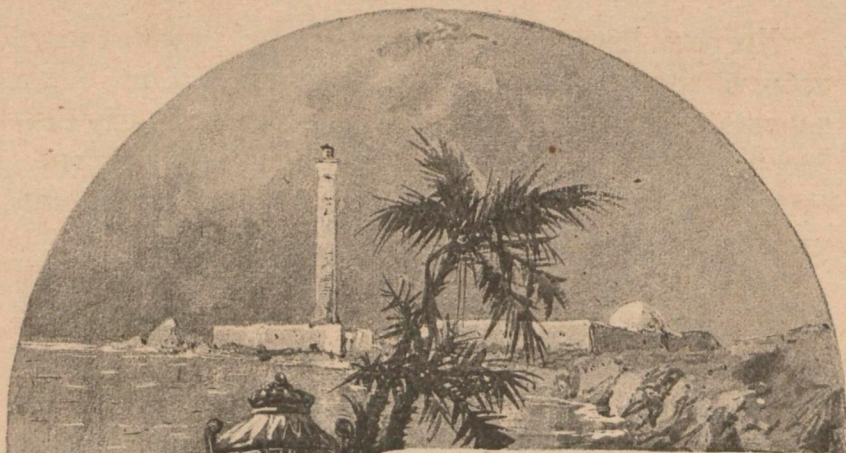
равли-то улетѣли!.. Слышался чей-то дѣтскій плачь.
Я обернулся.

Я видѣлъ у борта толпу людей и между ними, высоко надъ головами, худую руку старика, посылавшую намъ напутственное благословеніе.

Я едва удержался отъ слезъ. Какъ могутъ быть хороши люди, если они этого захотятъ!.. О, зачѣмъ они не всегда хотятъ быть таковыми.

А все-таки лучше отъ людей подальше!

XVI.

Забравши сначала выше, мы инстинктивно направились въ сторону отъ развертывающейся передъ нами панорамы Яффы. Мы держались правѣ и, перелетѣвъ черезъ буруны, опустились на открытомъ песчаномъ мѣстѣ... Недалеко виднѣлся родникъ, съ бассейномъ, отдѣланнымъ бѣлымъ мраморомъ, около него росла группа чахлыхъ пальмъ, и въ тѣни одной изъ нихъ сидѣла смуглая женщина съ ребенкомъ, а около стоялъ высокій глиняный кувшинъ, наполненный уже водою... Нѣсколько женщинъ шли, удаляясь, съ такими же кувшинами на головахъ... Подальше, поднимая столбы красноватой пыли, мелодично позванивая колокольчиками, тянулся верблюжій караванъ подъ охраною вооруженныхъ всадниковъ.

Все это было для насъ ново и очень интересно.

Хитрецъ Верхоглядъ тотчасъ-же предложилъ намъ избрать изъ своей среды предводителя... Онъ очень хорошо зналъ, что это право принадлежитъ ему безспорно, но того требовали законы, и ему, очевидно, пріятно, было испытать, въ первый разъ въ жизни, удовольствіе быть избраннымъ.

Рѣшеніе послѣдовало единогласно, хотя и я не былъ оставленъ вниманіемъ: Верхоглядъ предложилъ избрать меня.

— Теперь, друзья мои, извольте-же повиноваться мнѣ безпрекословно! произнесъ нашъ новый вождь. Даже и вы сами, во всѣхъ остальныхъ случаяхъ, моя повелительница! кокетливо обратился онъ къ сестрѣ. Во-первыхъ, господа, насъ трое. Это число позволяетъ намъ немедленно образовать треугольникъ. Еслибы насъ было двое — это, увы! было-бы невозможно.

И онъ намъ принялся чертить на пескѣ, доказывая эту неоспоримую истину.

— Я съ нимъ, онъ указалъ на меня, — держимъ поочередно стражу и занимаемъ также поочередно передовое мѣсто. Вы, сударыня, освобождаетесь отъ всякихъ служебныхъ обязанностей.

Положимъ, что это былъ уже не совсѣмъ законный произволъ, но я не находилъ нужнымъ замѣтить этого, а сестра тѣмъ болѣе.

Верхоглядъ быстро освоился съ мѣстностью и хорошо опредѣлился. Онъ сообщилъ намъ, что перелетъ будетъ предстоять намъ отсюда, придерживаясь морскаго берега, прямо на Портъ-Саидъ и на Дамьетту.

— На Ниль! окончилъ онъ свои соображенія и предложилъ намъ сдѣлать, пока для пробы, маленькій перелетъ... Во-первыхъ: дальше отъ этого родника, куда все-таки приходятъ люди, а во-вторыхъ, — для пробы крыльевъ послѣ перенесенной нами изрядной передраги.

Мы пролетѣли часа два и опустились снова на отмели, уже окончательнаго мертваго пустыннаго берега.

Къ вечеру мы нѣсколько отдохнули и нетерпѣніе летѣть на Нилъ, гдѣ намъ улыбалась мысль — узнать хотя что нибудь объ участи нашихъ родныхъ и товарищей, было такъ велико, что рѣшено было сдѣлать перелетъ ночью... По крайней мѣрѣ, большую часть перелета, чтобы завтра меньше осталось.

Мы построились: впереди Верхоглядъ, за нимъ я съ сестрою, почти рядомъ и полетѣли.

Чудная звѣздная ночь, теплая, дышащая нѣгою, стояла надъ спящею землею. Ощущеніе свободы было такъ пріятно... опасностей болѣе никакихъ не предвидѣлось. «О, какъ было-бы хорошо, еслибы мы нашли своихъ здоровыми и невредимыми!»

Верхоглядъ вралъ всю дорогу безъ умолку.

Онъ намъ рассказывалъ — на примѣръ, какъ капитанъ корабля уговаривалъ его остаться и поступить къ нему въ помощники, какъ онъ отказывался, ссылаясь на свое высокое положеніе, какъ предводителя треугольника, какъ капитанъ жалъ ему ногу съ пожеланіями счастливаго пути и какъ, наконецъ, обнималъ его, прося не забывать и не упустить случая какъ нибудь навѣдаться еще разъ.

— Весь корабль и весь вареный рисъ къ вашимъ услугамъ, говорилъ капитанъ, а повара боятся нечего... Тотъ хоть и негръ, но хорошо воспитанъ и не посмѣетъ мариновать перваго друга своего капитана.

Оба мы хохотали отъ души и дѣлали видъ, что вѣримъ рассказику безусловно, а тотъ разошелся такъ, что заявилъ будто-бы капитанъ гдѣ-то въ Англіи заказалъ себѣ превосходныя настоящія журавлиныя крылья, и рѣшилъ послѣ выйти въ отставку и поступить въ журавли, вполне надѣясь, что онъ, Вер-

хоглядъ, не оставитъ его, въ свою очередь, своимъ высокимъ покровительствомъ.

Къ разсвѣту мы замѣтили впереди, то потухающую, то вспыхивающую снова огненную точку — это былъ далеко выдвинутый въ море маякъ Портъ-Саида, до котораго, впрочемъ, было еще очень далеко.

Маяки всегда строятъ такъ, что ихъ, особенно съ высоты журавлинаго полета, видно очень издали. Кажется и близко, особенно ночью, вотъ, вотъ сейчасъ уткнешься, а между тѣмъ летишь — летишь и конца нѣтъ.

Дѣйствительно, когда развѣяло окончательно, мы только, и то издали, увидали чуть замѣтную розоватую колонну, на верху которой сверкала какая-то искра. Это первые лучи восходящаго солнца играли, отражаясь въ стеклахъ маячнаго фонаря, въ виду котораго, въ ожиданіи очереди прохода — началось множество паровыхъ и парусныхъ судовъ, а между ними шныряли маленькіе, весело посвистывающіе пароходики.

Влѣво, рѣзко выдѣляясь въ ярко-желтомъ фонѣ песковъ, тянулась прямая, какъ стрѣла, узкая водная полоса канала, и по ней медленно ползли колоссальные корабли, распространяя надъ собою цѣлыя тучи черного дыма.

За Портъ-Саидомъ, уходя въ туманъ, разстилась низменная равнина, мѣстами покрытая зеленью камышей, мѣстами желтѣвшая песками, вся изрѣзанная безчисленными водными протоками. Эту низменность отъ Портъ-Саида отдѣляла невысокая гряда сыпучихъ песковъ.

— Дельта! указалъ намъ Верхоглядъ... Вотъ она здѣсь начинается!

Сердца наши забились сильнѣе... Страхъ и надежда смѣнялись между собою: то рисуя намъ ра-

достныя картины встрѣчи, то печальную будущность сиротства и горькихъ воспоминаній.

Мы расположились на отдыхъ именно въ этой, отдѣляющей чертѣ сыпучихъ песковъ, — и къ полудню, зорко высматривая внизу и по сторонамъ, плавно неслись надъ дельтою Нила, вдыхая его сырыя испаренія.

— Сюда! радостно крикнулъ Верхоглядъ.

Мы замѣтили небольшую группу журавлей, пасущуюся на берегу лѣниваго, еле ползущаго протока.

Мы рванулись къ нимъ такъ стремительно, что забыли дисциплину и разстроили свой треугольникъ. На наши радостные крики, снизу отозвались такими-же веселыми трубами.

Это были наши... не нашего, то-есть, прежняго треугольника, но другихъ... изъ тѣхъ, что тоже вынесли бурю. Изъ семидесяти журавлей этого клина, осталось только шестнадцать, да и то чудомъ снесенныхъ прямо въ эти мѣста... Каковъ подневольный перелетъ! Прочіе затерялись въ морѣ — и нѣтъ объ нихъ никакихъ извѣстій... Вѣроятно погибли.

На робкій вопросъ нашъ о треугольникѣ папы — Горлана — эти ничего не знали. Они сами еще не оправались достаточно, чтобы отправиться на розыски, и приглашали насъ присоединиться къ нимъ.

— Кто у васъ старшій, гордо спросилъ Верхоглядъ. Ему отвѣтили.

Онъ направился къ указанному журавлю и сталъ съ нимъ совѣщаться, разговаривая вполголоса. Верхоглядъ убѣдилъ всѣхъ перемѣнить мѣсто стоянки. Ему это почему-то не нравилось. Предложилъ перебраться на другое, по моему, совершенно одинаковое, и, не откладывая въ долгій ящикъ, выбрать журавлей понадежнѣй и разослать ихъ на розыски. Впрочемъ, исполненіе этого охотно принятаго предложенія было отложено до утра.

Къ ночи къ намъ еще прилетѣло нѣсколько чудомъ спасенныхъ. Одинъ изъ вновь прибывшихъ сообщилъ, что видѣлъ папу Горлана еще живымъ, еще энергично борящагося съ ураганомъ, и видѣлъ не долго до своего собственнаго спасенія... Надежда увеличивалась.

Едва дождались разсвѣта, какъ избранные развѣдчики отправились въ путь. Я тоже полетѣлъ съ ними, довѣреннымъ лицомъ отъ нашего треугольника, нѣсколько теперь увеличившагося, потому что Верхоглядъ немедленно присоединилъ прибывшихъ къ своимъ силамъ.

Вообще, нашъ молодой вождь распоряжался гораздо энергичнѣй другого предводителя, и прочіе журавли смотрѣли на насъ не безъ нѣкоторой зависти.

Выбравъ себѣ товарища, я отправился на розыски.

Едва мы отлетѣли немного, какъ я замѣтилъ на пескѣ, на самомъ солнцепекѣ два большихъ, неподвижныхъ, зеленовато-черныхъ предмета и принялъ ихъ за бревна, выброшенныя на берегъ волною; покрывавшая ихъ плесень еще болѣе увеличивала это подобіе... Каковъ же былъ мой ужасъ, когда я увидалъ, что эти бревна зашевелились и медленно поползли по песку, оставляя за собою глубокія борозды. Одно изъ этихъ бревенъ зѣвнуло и раскрыло страшную пасть, устланную острыми зубами. Эта пасть была такъ велика, что въ нее могли-бы помѣститься разомъ не только цѣликомъ журавль, но даже пара гораздо крупнѣйшихъ пеликановъ. Я не зналъ, что это за чудище, товарищъ мой тоже, а спросить было не у кого. Ограничившись только легкимъ облетомъ стороною, мы продолжали путь и скоро увидели на маленькомъ, густо поросшемъ островкѣ, опять группу журавлей и между ними, къ величайшей моей радости — моего милаго,

дорогаго, никогда такъ сильно не любимаго, какъ теперь — папу-Горлана.

Кубаремъ слетѣлъ я внизъ, зацѣпился ногами, ткнулъ носомъ въ песокъ и едва только могъ произнести, задыхаясь и то сквозь радостныя слезы:

— Папа — мой папа!

Папа вздрогнулъ, какъ-бы спросонка, пристально посмотрѣлъ на меня и тихо спросилъ, словно не замѣчая моей радости:

— А сестра?

— Всѣ живы, всѣ, закричалъ я, — и Верхоглядъ живъ, онъ у насъ теперь предводителемъ...

— Предводителемъ!.. грустно покачалъ папа головою. — Это хорошо, очень хорошо! А я уже не гожусь, старъ, должно быть, становлюсь... Погубилъ чуть не весь треугольникъ. Не послушался добрыхъ совѣтовъ... на силы свои понадѣялся... Ну... радъ — радъ, очень радъ, что хотя вы живы.

Я пристально взглянулъ на папу. Его узнать даже было трудно, такъ перемѣнили его горе, да и утомленіе быть можетъ. Я сталъ осматриваться.

— Не ищи — погибла! проговорилъ папа.

И тутъ только я понялъ всю тяжесть его и нашей съ сестрой — потери.

— Погибла на моихъ глазахъ, продолжалъ онъ. Захлестнуло проклятою волною и болѣе она уже не показывалась.

Я заплакалъ горько, горько.

— Бѣдная сестричка моя! какъ то я ей передамъ это тяжелое извѣстіе.

Папа, узнавъ, что мы на розыскахъ, похвалилъ насъ за это, сказавъ: умно! и только, ссылаясь на свою усталость, отказался принять участіе въ общемъ дѣлѣ, но внимательно разспросилъ о мѣстѣ нашей стоянки и обѣщалъ къ вечеру присое-

диниться съ остатками, около него сгруппировавшимися.

Мы полетѣли дальше.

Къ ночи наши дѣла настолько были успѣшны, что, кромѣ тѣхъ, что за усталостью не могли летѣть, я собралъ на наше становище около сотни журавлей, и нашъ лагерь сталъ немного напоминать своею многочисленностью прежнія стоянки.

Дня три находились мы на тѣхъ-же мѣстахъ, все собирая разрозненные полчища.

Дѣдушка Долгоносъ прилетѣлъ со своимъ совершенно цѣлымъ треугольникомъ на второй день. Ему просто посчастливилось. Онъ сдѣлалъ роковой перелетъ на Бейрутъ на другой день послѣ нашего и вполнѣ благополучно.

Запоздай и мы хоть немного, хоть полсутокъ всего, о, какъ было-бы хорошо — сколько жизней сбереглось-бы. Но кто-же могъ знать, что насъ ожидаетъ впереди — одинъ Богъ — и да будетъ Его святая воля!

Мы подвели счеты. Оказалось, что потеряно было въ морѣ всего до двухъ сотъ журавлей изъ разныхъ треугольниковъ, добрая треть... ужасная потеря!

Къ концу третьяго дня стали появляться головы колоннъ Премудраго Крыломаха, осторожно летѣвшихъ вдоль берега. Мы начали устраиваться.

Выборъ Верхогляда въ вожди былъ утвержденъ... Его треугольникъ составили изъ остатковъ другихъ, потерявшихъ своихъ главарей. Положимъ, онъ самъ очень много рассказывалъ о своихъ подвигахъ, но главную вѣру дали показаніямъ моимъ и моей сестры... Но тутъ новому вождю пришлось попасть въ положеніе, несовсѣмъ удобное.

Я и моя сестра по семейнымъ законамъ, должны были остаться въ треугольникѣ своего папа, — Верхо-

глядъ не желалъ разставаться съ нами, главное, конечно, съ сестрою... Приходилось выбирать одно изъ двухъ:—или отказаться отъ предводительства и остаться у насъ—или-же разставаться. Верхоглядъ, впрочемъ, колебался не долго, а тутъ еще рѣшеніе ускорялъ каждый томный взглядъ моей сестрицы.

— Оно, положимъ, проговорилъ нашъ молодецъ, — лестно!.. весьма даже лестно и вполнѣ заслуженно... Но это еще не уйдетъ, заслуги мои всегда оцѣнятся по достоинству, а пока — я надѣюсь, дорогой пап... то есть, я поторопился, я хотѣлъ сказать, многоуважаемый господинъ Горланъ, что вы ничего не имѣете противъ моего присутствія въ вашемъ треугольникѣ, подъ вашимъ благосклоннымъ покровительствомъ.

Папа отвѣчалъ только короткимъ и сухимъ: — оставайся! — и вопросъ былъ рѣшенъ окончательно, къ общему нашему удовольствію.

Старый Долгоносъ тоже сильно горевалъ о гибели нашей милой, заботливой маменьки и старался, какъ могъ, утѣшать своего осиротѣвшаго друга.

«Круты горки да забывчивы», говоритъ пословица — и нѣтъ такого горя, которое не заслонялось бы навѣки новыми радостями, какъ и сама смерть, — смѣняется новою жизнью.

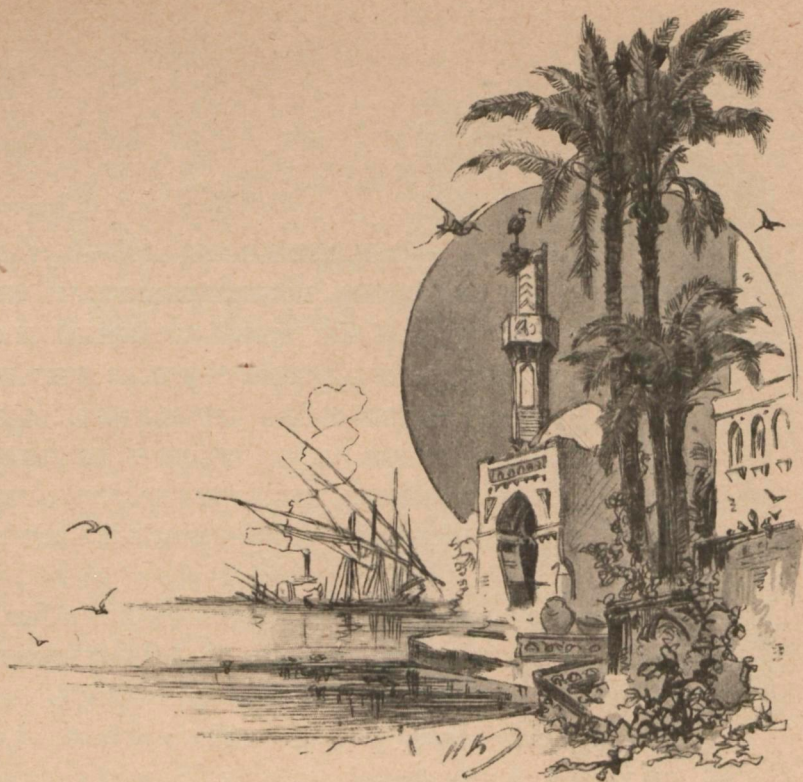
Что касается до меня, то я такъ заинтересовался своею милою Журкою-Уралкою, что Верхоглядъ совѣтовалъ мнѣ просить у кого слѣдуетъ о переводѣ, — но Крыломахъ Премудрый устроилъ все какъ нельзя лучше. Разъ, передъ вечеромъ, онъ пришелъ къ намъ, да и не одинъ, а съ Черношейкою и, смѣясь во все горло, проговорилъ, обращаясь къ папѣ-Горлану:

— Эй, дружище! возьми ты мою дурочку къ себѣ на излеченіе. Чортъ знаетъ, что съ нею дѣлается! — Плохо кушаетъ, а еще того хуже спитъ. Я убѣжденъ, что она у тебя въ треугольникѣ поправится... Знаю

я эту болѣзнь!.. Давно, положимъ очень давно, это было, но еще помню... Такъ вотъ, бери ее подъ свое покровительство.

Папа согласился, и съ этого счастливаго вечера мы съ Журкою-Уралкою, съ милою моею красавицею Черношейкою, уже болѣе не разлучались.

XVII.

Уже здѣсь, въ низовьяхъ Нила, мы были вполнѣ обеспечены отъ зимнихъ холодовъ. Мы могли бы и здѣсь прожить новое лѣто, но предполагалось летѣть все дальше и дальше. Эти перелеты мы совершали не торопясь, зигзагами, то располагаясь на правомъ берегу, то переносясь на лѣвый. — О, сколько, по истинѣ, интереснаго встрѣчали мы на своемъ пути, проносясь плавно надъ этою странюю чудесь!

Наши старики, много разъ бывалые, опытные и все знающіе, рассказывали намъ, объясняя все видѣнное, называли по именамъ и припоминали любопытныя, связанныя съ данною мѣстностью, просто духъ захватывающія приключенія.

Верхоглядъ, — удивительное дѣло, — вралъ гораздо меньше, но ко всему присматривался и прислушивался; сестра моя была имъ, очевидно, довольна и дарила его своею полнѣйшею благосклонностью... Мы съ Черношейкою тоже были вполне счастливы, и путешествіе наше могло бы считаться истинно райскимъ, еслибъ не нарушалось изрѣдка тревожными и даже печальными минутами... Впрочемъ, все надо вести по порядку:

Первое чудо на нашемъ пути конечно былъ Каиръ, этотъ удивительный городъ съ плоскими крышами, съ чудными зданіями, съ величественнымъ видомъ на Ниль. Верхоглядъ указалъ мнѣ на золоченную крышу высокаго, чрезвычайно красиваго минарета, съ котораго онъ когда то разогналъ голубей и ласточекъ. Узенькія темныя улицы города казались щелками, но въ нихъ копошилась и шумѣла кипучая жизнь, особенно, въ тѣни крытыхъ базаровъ. Люди въ пестрыхъ и бѣлыхъ одеждахъ толпились на площадяхъ, занимали живописными группами мѣсто въ тѣни развѣсистыхъ деревьевъ, пили что-то изъ крохотныхъ чашечекъ и курили изъ длинныхъ, предлинныхъ трубокъ.

Женщины, съ закрытыми лицами, какъ тѣни, бродили попарно и кучками, катались въ легкихъ изящныхъ коляскахъ и щебетали, какъ тѣ ласточки, миллионами сновавшія надъ городомъ. Между людьми просто по улицамъ бродили, похожія на насъ птицы, только носы у нихъ были гораздо длиннѣе... Это ибисы,

— еще болѣе близкія къ человѣку птицы, чѣмъ наши знакомые аисты... и этихъ тоже здѣсь было довольно. Но что за красавцы эти краснокрылы!.. Мы ихъ въ первый разъ замѣтили, вытянувшихся въ одну линію, неподвижно стоящихъ вдоль берега, на отмели... Что-то испугало ихъ и они взлетѣли на воздухъ, точно громадныя, огненно красныя кресты распластались они въ знойномъ воздухѣ вечера и, вытянувъ длиннѣйшія шеи, потянулись по другую сторону. Куда они рослѣ насъ, журавлей! и носы у нихъ другіе совсѣмъ: — короткіе, толстые и загнутые, какъ ложки... Вѣроятно, имъ нужны именно такой формы.

Мы летали въ пески лѣваго берега и видѣли величественныя ряды пирамидъ... Мы видѣли колоссальную голову, напоминающую голову человѣка, съ разбитымъ приплюснутымъ носомъ и въ странномъ головномъ уборѣ, словно громадныя уши, висящемъ по бокамъ этой головы. Голова торчала изъ песка, чувствовалось, что подъ этимъ пескомъ погребено какое-то принадлежащее головѣ туловище — и все это такъ было велико, что настоящіе люди, даже верблюды казались крохотными мушками... Мы видѣли стройныя финиковыя пальмы, видѣли, какъ ловко приспособились къ нимъ люди, чтобы лазить на самый верхъ подъ ихъ густыя тѣнистыя кроны, добывая оттуда спѣлыя грозди вкусныхъ финиковъ; мы даже пробовали эти финики, ихъ такъ много валялось около, на пескѣ, да и тѣ, что наверху, конечно, были для насъ, крылатыхъ, болѣе доступны, чѣмъ для человѣка.

Печальную мертвую страну представляютъ эти

песчанья пустыни, словно море, разливающееся по ту сторону пирамидъ, но и тамъ жизнь!.. На быстроногихъ верблюдахъ скачутъ по этимъ пескамъ смуглые люди, въ ярко бѣлыхъ плащахъ, тянутся караваны и носятся въ воздухѣ громадные хищники — грифы, зорко всматриваясь, въ даль, Богъ знаетъ какъ далеко различая въ сплошномъ тонѣ песковъ бѣлѣющіяся кости и смрадные трупы павшихъ отъ изнуренія животныхъ.

Разъ ночью, когда полная луна свѣтила своимъ мертвымъ, холоднымъ свѣтомъ на уснувшую пустыню, мы видѣли животное съ красивою косматою гривой; этотъ звѣрь шелъ легкою кошачьей поступью, отбрасывая на песокъ длинную тѣнь... Вотъ еще одна тѣнь мелькнула, это другой звѣрь такого же вида, но безъ гривы. Они поровнялись, обнюхали другъ друга, и залегли, помахивая своими длинными хвостами.

— Это львы, это страшнѣйшіе звѣри во всемъ свѣтѣ, шепталъ моей сестрѣ Верхоглядъ. — Ихъ даже и люди боятся, а когда они начнутъ рычать, такъ это просто словно раскатъ грома далекаго... Внушительно! Для насъ, журавлей, это, положимъ, пустяки, добавилъ

онъ самонадѣянно, но для людей и прочихъ животныхъ, не скажу... Встрѣчаться не посовѣтоваль бы.

Послѣ, по ночамъ, по закатѣ солнечномъ и передъ разсвѣтомъ, мы не разъ слыхивали рыканіе львовъ и жалобный вой, сопровождающихъ этихъ царей

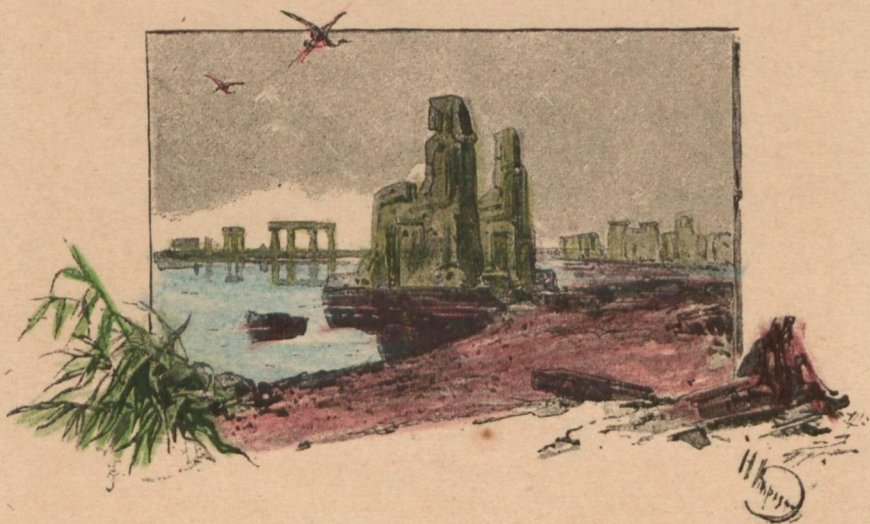

пустыни, жалкихъ шакаловъ, трусливыхъ воришекъ, дрянныхъ звѣрей, не стоящихъ ни малѣйшаго вниманія.

— Это еще все пустяки! говорилъ Долгоносъ-Все-знайка, когда мы, возвращаясь съ прогулокъ, расска-

зывали свои приключенія, описывали все видѣнное... Это пустыки! Вотъ дальше, у верховьевъ Нила, у подножія Голубыхъ горъ, на большихъ внутреннихъ моряхъ-озерахъ, что мы увидимъ, — это много поинтереснѣе будетъ...

И мы съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ ждали обѣщанныхъ чудесъ, и все рвались впередъ и впередъ,

открывая все новыя и новыя явленія величественной природы, незнакомыя намъ.

И за ея подавляющими красотами, за этою, непрерывно смѣняющеюся новизною, мы все болѣе и болѣе забывали наши скромныя, родныя болота... Неблагодарные!.. мы забыли свою родину!..

Я говорю мы, то-есть молодежь. — Старики напро-

тивъ: тѣ собирались вмѣстѣ, высчитывали дни, когда наступитъ пора возвращенія, соображали, что теперь тамъ? и, говоря о забытыхъ нами мѣстахъ, выражались: «у насъ», а говоря о здѣшнихъ, такъ и говорили: «на Нилѣ-молѣ».

На третьемъ перелетѣ (мы все время не покидали путеводной ленты Нила), пришлось намъ увидѣть древнія развалины и колоссальныя фигуры мемноновъ... нелѣпыя, лишенныя всякой красоты, едва сохранившіе подобіе человѣка, каменные сидячіе уроды, словно стерегутъ здѣсь теченіе Нила, отражаясь въ его стоячихъ затонахъ... А дальше густыя кроны роскошныхъ пальмъ букетомъ поднимаются надъ водою, и тамъ видна колонада, прямолинейныя очертанія полуразвалившихся воротъ, — торчація иглы обелисковъ, и все это покрыто сплошь причудливымъ узоромъ таинственныхъ, много тысячелѣтій сохранившихся надписей...

Я помню меня особенно занимали эти надписи... Очевидно, что это именно надписи, а не просто узоры, это невольно чувствуется. Разъ я, случайно отдѣлившись отъ другихъ, долго стоялъ подъ кускомъ карниза, свалившимся откуда то сверху... Никто мнѣ не мѣшалъ, кругомъ было тихо, и я погрузился въ созерцательное положеніе. Я всматривался въ загадочныя фигуры и силился постичь ихъ значеніе...

— Эй ты, юный философъ! раздалось неожиданно около меня.

Я даже вздрогнулъ.

— А ты, братъ, не забывай, что здѣсь не наши оставшковскія болота, толкнулъ меня дѣдушка Долгонось, — это былъ онъ, — здѣсь сразу попадешь комунибудь на зубъ... Посмотри, вонъ крокодилъ изъ воды высунулся, это онъ на тебя засмотрѣлся, какъ

ты вотъ на этотъ камень. — Ну, что нашелъ интереснаго?

Я сообщилъ ему, что именно меня интересуетъ.

Долгоносъ пристально посмотрѣлъ тоже, что-то припомнилъ и, къ величайшей моей радости, сказалъ:

— Это очень просто.

— Объясните, дѣдушка! обрадовался я.

— А видишь ли вотъ этотъ первый знакъ, на что онъ похожъ?

Теперь для меня очевидно было, что первый знакъ выражалъ попытку художника изобразить дерево... Конечно, дерево это было нарисовано совсѣмъ по дѣтски, но узнать можно было безошибочно.

Подошелъ тутъ Верхоглядъ къ намъ съ своею подругою... Еще захлопали крылья, это папа прилетѣлъ, тоже случайно, и съ нимъ штукъ пятокъ нашихъ. Моя Черношейка тоже подбѣжала: она всегда очень любила рассказы Долгоноса-Всезнайки. Однимъ словомъ, образовалось изрядное общество слушателей, и нашъ маститый учитель былъ, очевидно, нѣсколько польщенъ оказаннымъ ему вниманіемъ.

— Такъ значить, продолжалъ онъ потомъ и остановился; — дерево такъ дерево, запомните его начальную букву.

— Д, подсказала Черношейка и сконфузилась.

— Почему не Θ?... захохоталъ какой-то дуракъ въ заднихъ рядахъ слушателей.

— Не дурить! коротко отрѣзалъ папа... Ну, валяй друже... весьма интерресно! Дерево, такъ дерево...

— Второй знакъ — голова какого-то животнаго — по ушамъ, надо полагать...

— Осель! подсказалъ я.

— Запомнимъ О.

— Третій?

Тутъ нѣсколько голосовъ разомъ, узнавъ изображеніе крикнули: — ложка!

— Вѣрно!.. четвертый знакъ просто голова негра или какого нибудь другого, это все равно! Я полагаю, что художникъ хотѣлъ этою головою выразить букву Г. Затѣмъ опять повторяется осель... затѣмъ...

Тутъ уже мы всѣ хоромъ крикнули: — носъ! и стали съ недоумѣніемъ между собою переглядываться...

Что это! простая случайность, или...

Нашъ маститый дѣдушка стоялъ скромно опустивъ голову, какъ будто преклонившись передъ какимъ-то величественнымъ воспоминаніемъ.

— Дѣдушка, это вы?.. это ваше имя?.. робко спросила сестра...

— Не думаю, — произнесъ онъ... Вѣроятно одинъ изъ моихъ предковъ... нашъ родъ Долгоносовъ, — одинъ изъ стариннѣйшихъ журавлиныхъ родовъ. Странно однако, очень странно... Вотъ не ожидалъ!..

Нашъ ученый, но тѣмъ не менѣе скромный старикъ былъ, положительно, смущенъ своимъ открытіемъ... Вѣдь надо-же было мнѣ остановиться надъ этимъ обломкомъ, надо-же было появиться въ эту минуту Долгоносу, надо чтобы собралась вся компанія, — и такой ошеломляющій результатъ.

Лестно, — крайне лестно, — но, во всякомъ случаѣ, вполне заслуженно.

— Сюда! сюда! раздался тутъ голосъ Верхогляда.

Онъ раньше еще, въ первую минуту общаго недоумѣнія, куда то скрылся и теперь звалъ насъ за чѣмъ-то. Вѣроятно, нашелъ что нибудь крайне интересное.

Когда мы къ нему подлетѣли, онъ стоялъ, опустивъ носъ до земли и внимательно что-то разсматривалъ.

На пескѣ, на совершенно ровно-заглаженномъ мѣстечкѣ, тоже виднѣлись какіе то знаки; Верхоглядъ ихъ разсматривалъ очень внимательно.

— Какъ думаете, господа, — это можно принять за волка? — спросилъ онъ, указывая на что-то съ острыми зубами и торчащими врозь ушами.

— Ну, положимъ, волкъ! согласился я и пристально посмотрѣлъ на шутника.

Слѣдующій знакъ тоже дерево, но замѣьте какое? — безъ сомнѣнія елка, читалъ Верхоглядъ... Слѣдующее...

— Ракъ! крикнулъ кто-то.

Тутъ кругомъ поднялся такой неудержимый, веселый смѣхъ, что даже дѣдушка Долгоносъ не обидѣлся на шутку-пародію Верхогляда и охотно присоединился къ смѣющемуся хору...

— Ахъ ты шутъ этакій!.. ха ха ха! гремѣлъ выдѣляясь голосъ отца.

— А я уже испугалась, подошла тихонько сестра... Я уже подумала было, что вы хотѣли такъ обмануть насъ серьезно, изъ зависти къ заслуженной славѣ дѣдушки...

— Ну, могли-ли вы это думать?... ну, похоже-ли это на меня!.. успокоиваль ее Верхоглядъ...

— Да, братъ, хохоталь папа Горланъ: — если ты хочешь увѣковѣчить свое имя, такъ матеріаль выбирай покрѣпче, а то, ха ха ха!.. вишь ты, на пескѣ!..

— На пескѣ ничего вѣчнаго не построишь, смѣялись и другіе.

— Выбирай, братъ — камень покрѣпче, долби его поглубже, а то на пескѣ... ха ха ха!.. до перваго вѣтра, да что вѣтра, до перваго воробья, которому вздумается здѣсь прогуляться!

— А что еще лучше... Еще прочнѣе, чѣмъ всѣ вмѣстѣ взятые камни, — вмѣшался тутъ премудрый Крыломахъ, — онъ налетѣлъ на общее веселье: — это сердца журавлиныя, или даже вообще сердца. — Надо чтобы славныя и добрыя дѣла глубоко врѣзались въ душу современниковъ, передавались такими же глубокими, неизгладимыми чертами въ сердца потомства и, изъ поколѣнія въ поколѣніе, безъ напоминающей помощи колоссальныхъ, а всетаки не вѣчныхъ монументовъ, — хранили вѣчную славу о добрыхъ и мудрыхъ своихъ предшественникахъ... Другъ Долгонось! здорово! отъ души поздравляю!..

Порѣзвившись здѣсь, на этомъ островѣ, поплясавъ немного, благо молодежи было достаточно и проникнувшись еще большимъ уваженіемъ къ нашему престарѣлому вождю, мы полетѣли уже всѣ вмѣстѣ на ту сторону, покупаться въ пескахъ и нарвались нечаянно на весьма печальную картину.

Вдоль берега, зорко всматриваясь въ густыя заросли — необыкновеннаго по своей высотѣ камыша, мы замѣтили маленькую группу всадниковъ — повидимому нисколько для насъ не опасную... не только для насъ, но вообще для птицъ.

Люди были безъ ружей и везли плѣнниковъ, мирно и покойно сидящихъ у нихъ на рукахъ... что это были за плѣнники, очевидно птицы, да только какія, трудно было разобратъ, такъ какъ головы у нихъ были прикрыты красными шапочками... Судя по оперенію, это были хищники. — Ну и слава Богу! туда имъ и дорога... Но, увы!.. эти плѣнники оказались предателями и союзниками человѣка; въ его, вотъ уже по истинѣ, хищныхъ замыслахъ.

Широко заколыхались вершины густыхъ камышей; и изъ за нихъ, хлопая крыльями, поднялся прелестный, бѣлый, какъ снѣгъ, лебедь. Не успѣлъ онъ подняться въ половину своего взлета, какъ люди закричали, замахали руками и спустили — своихъ прирученныхъ разбойниковъ.

Два ястреба, какъ молнія, взвились на воздухъ. Одинъ поднялся выше и сталъ описывать

кругъ надъ испуганнымъ лебедемъ, другой потянулъ низомъ, не давая ему спастись въ камышахъ, не пуская къ водѣ.

Началась смертельная борьба... пока еще безкровная.

Лебедь понесся прямо, рассчитывая обогнать преслѣдователя — тѣ за нимъ, замѣтно приближаясь къ намѣченной жертвѣ... Мы это все видѣли пока издали и теперь неслись на помощь къ лебедю, но опоздали...

Верхній ястребъ какъ камень ударилъ бѣлаго красавца сверху и словно исчезъ, зарывшись въ его роскошное опереніе, — другой ястребъ — подрѣзалъ снизу, и въ то же мгновеніе въ воздухѣ пронесся жалобный крикъ смертельно раненаго лебеда и онъ, вмѣстѣ со впившимися въ него врагами, безнадежно, неправильно маша окровавленнымъ крыломъ, наискось полетѣлъ на землю.

Всадники съ дикими воплями торжества и побѣды гнали своихъ лошадей во всю прыть къ мѣсту паденія.

— Поздно! остановилъ наше стремленіе помочь бѣднягѣ, папа Горланъ. — Повороти назадъ... Цѣли нѣтъ принимать бой... Выручить не успѣли, а мстительность не наше дѣло... Стой, молодецъ! не рисковать!

И было какъ разъ во время. Всадники замѣтили наше приближеніе и показывали руками въ нашу сторону. Одинъ изъ нихъ слѣзъ съ лошади и старался отцѣпить ястребовъ отъ добычи, нахлобучивъ имъ на головы ихъ успокоительные колпачки.

Мы оттянули отъ берега и неслись надъ серединою рѣки, въ полной безопасности, далеко опередивъ конныхъ людей съ ястребами. Подъ нами тяжело шелъ вверхъ по теченію пароходъ, таща на буксирѣ большія лодки, съ колесами во всю палубу, наполо-

ненныя вооруженными солдатами, въ бѣлыхъ каскахъ, обвитыхъ зелеными, легкими вуалями. Вдали виднѣлись еще такія же суда, и кромѣ того появилась цѣлая флотилія легкихъ лодокъ, съ коротенькими мачтами, но зато ужасно длинными, тонкими и гибкими реями, паруса которыхъ своею формою напоминали колоссальныя — ласточкины крылья.

